

А.В. Манин-Уралец

**Казачьи
песни.
Смотрины.
Сборник 3**

А.В. Манин-Уралец

**Казачьи песни.
Смотрины. Сборник 3**

«Автор»

2026

Манин-Уралец А.

Казачьи песни. Смотрины. Сборник 3 / А. Манин-Уралец —
«Автор», 2026

Казачьи песни «Смотрины» - 3-й сборник, созданный в 2015 году в рамках деятельности общественного учреждения «Академия истории и культуры русского казачества России». В книге использованы стихи, вошедшие в эпическую поэму автора «Казачий Дон».

Содержание

Смотрины	5
Ночь зачатия	7
Забота	9
Победитель	11
Лентяй	13
Казак заезжий	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

А.В. Манин-Уралец

Казачьи песни. Смотрины. Сборник 3

Смотрины

Был вынут серник из коробки,
Зажжен, рука затем к дровам...
Огонь. Но взор казачки робкий:
Пришли вот сваты, к покровам.
Не терпится жениться Кольке:
Присухи, видно, колдовство.
Казачка хочет замуж, только,
Ждала другое сватовство.

Казачка хочет замуж, только,
Ждала другое сватовство.

Ловка хозяйка: уж с ухватом.
И широка – в курень – изба.
«Ну, присуглась, хоть, наших сватов,
Пушшай посмотрят на тебя!»

«Ну, присуглась, хоть, наших сватов,
Пушшай посмотрят на тебя!»

Не сватовство, одни смотрины,
Все невпопад, не по-людски...
В окошке скло - как будто тиной:
Заволокло все от тоски.
Казак другой в ней след оставил,
Что не идет уже в окне.
Иль там притвор? Откройте ставни!
И, как в печи, душа в огне.

Иль там притвор? Откройте ставни!
И, как в печи, душа в огне.

Он подарил душе монисту,
Она ей шее так идет!
А тут мордуют. Не невесту,
А полонянку кто берет!

А тут мордуют. Не невесту,
А полонянку кто берет!

В ночевке стылой перед свадьбой,
Теперь, подружки, поревем.

Эх, о любимом жизнь вздыхать бы,
Да пал казак ненастным днем.

Эх, о любимом жизнь вздыхать бы,
Да пал казак ненастным днем.

Ее оставил он, махальный –
Стоял на страже, был убит:
По горлу лезвием кинжальным.
Стоит в глазах он, не забыт.
А замуж тоже, видно, нужно -
На слом судьбе, где жизнь беда.
В ночевке поревём, подружки,
И под венец. И – навсегда.

В ночевке поревём, подружки,
И под венец. И – навсегда.

Ну, что турсучишь, батька, право!
Что душу-то трясешь, зовешь?!
Сейчас пойду себя оправлю,
Надену бабушкину брошь.
В сугласники родне предстану -
Под Колькой казачат рожать:
Любить до смерти не устану,
Кроме любви во мне - и стать!

Любить до смерти не устану,
Кроме любви во мне - и стать!

Глядите, хоть разуйте зенки,
Я еще степ - не вспахан рал.
Прощай, герой, ведь в пятистенке
Меня другой к рукам прибрал.

Прощай, герой, ведь в пятистенке
Меня другой к рукам прибрал.

Меня другой к рукам прибрал.

Ночь зачатия

Телешится казачка, тело
Как наливное молоко:
Все в нем волнами, все в нем бело;
Смотреть, как в солнце, не легко.
Давай, ложись, скорее рядом,
Начнем по трошки, тихо, в трусь,
Покелева, как водопадом
Я в телеса твои волюсь!

Покелева, как водопадом
Я в телеса твои волюсь!

Ведь мы стихия в доле вешнем,
И лихачи в своей степи,
И если лед – пробьем, как пешней:
Казак с тобой – его терпи!

И если лед – пробьем, как пешней:
Казак с тобой – его терпи!

Ты – мать земля, на ней я – море,
Ты падь, я сильный водопад.
Махоткой стань мне с щедрым горлом,
Глотками пить здесь буду рад!

Махоткой стань мне с щедрым горлом,
Глотками пить здесь буду рад!

Ты станешь матицей над крышей -
Держать ее, но изнутри;
А я расположусь повыше,
Где небо стелет пузыри.
Пусть ноня все у нас, как прежде,
Пусть ноня все у нас вперед!
Пришшурь же сладостные вежды,
Чуть приоткрой свой нежный рот.

Пришшурь же сладостные вежды,
Чуть приоткрой свой нежный рот.

Любви казачьей нет живущей,
В ней жильной хворостины рост,
Что превращает завязь в кущи,
Где в куцах множится подрост.
Пусть ночь – буйнай неугомонный -
В телешем рае жизнь явит!

И будя мысли посторонней

Мешать здесь таинству любви!

И будя мысли посторонней

Мешать здесь таинству любви!

И будя мысли посторонней

Мешать здесь таинству любви!

Забота

Болберки на волнах качает,
Под ними сеть, Азова дол,
И скородит здесь крики чаек,
Чуть усмиряя их, орел.
Бердарка, к берегу причалив
Двумя колесами, стоит,
И рыбаки, чуть-чуть побаив,
Вошли в Азов, улов валит.

И рыбаки, чуть-чуть побаив,
Вошли в Азов, улов валит.

Тут нечего его и важить,
Без взвешиванья видно – куш.
Пусть забрухают тех, кто скажет,
Что пол-бердарки – слишком уж!
А то, что в доме нас двенадцать?!
А то, что внучка вот родит?!
А ей лишь толечко шашнадцать,
Поди, за всеми уследи!

А ей лишь толечко шашнадцать,
Поди, за всеми уследи!

Хоть нянькам бы ишо улова,
И повитухе бы ишо.
Уж бак готов промолвить слово...
Вот щас возьму ишо вершой!
Забота - как дыра сквозная,
Без жадованья не спользит,
И пусть жадовнею прознают,
Зато нигде не просквозит.

И пусть жадовнею прознают,
Зато нигде не просквозит.

А кто музли считал рыбачьи?
Здесь и трясины, и багно;
А маслаки коней казачьих
Здесь посчитайте заодно!
Я не мажару на путину
Пригнал, в чем сено развожу,
А лишь бердарку. Не скотина,
И лишнего не наброжу!

А лишь бердарку. Не скотина,

И лишнего не наброжу!

Но я таган под бак поставлю,
И пусть гутарится юха.
Азов я, как мой прадед, славлю.
Встаю пораньше петуха.
А то, бывалыча, прошляпишь,
Все голодны в дому сидят...
Ну, все, тяни, не долга затишь -
Вон, небо тучами мостят!..

Ну, все, тяни, не долга затишь -
Вон, небо тучами мостят!..

Победитель

Притын рысак берет с галопом –
Три мощных, бережных прыжка.
Потылицу коня с прихлопом
Казак погладил свысока.

Потылицу коня с прихлопом
Казак погладил свысока.

Загривок отозвался дрожью:
Конь деловит, огонь в глазах.
Скотовка лезет в мякоть кожи –
В ней – стремяна, а в них – казак!

Скотовка лезет в мякоть кожи –
В ней – стремяна, а в них – казак!

С седла спутилище свисает -

И стремяна все давят вниз,
Казак сомнения не знает,
Да и коня силен каприз:

Казак сомнения не знает,
Да и коня силен каприз:

Он хочет победить на скачках,
Чтоб быть обласканным овсом
И поделить его с рысачкой.
И всем известно обо всем;

И поделить его с рысачкой.
И всем известно обо всем;

И отовсюду бодрый окрик:
«Лети, Русак! Вперед, казак!»
А под седлом потник весь мокрый,
Но нет пути коню назад.

А под седлом потник весь мокрый,
Но нет пути коню назад.

На нем скопец – он безбородый,
И потому на всем скаку
Конь перемахивает броды -
И помогает казаку.

Конь перемахивает броды -
И помогает казаку.

И в небе есть скопец – то ястреб,
Что смотрит с неба на байгу.
Ну, добрый конь, - последний раструб,
И я до милой побегу!

Ну, добрый конь, - последний раструб,
И я до милой побегу!

Пусть безбородый я и юный,
Но я победой опьянен,
Ведь я один из тысяч гуннов,
Я князь родных степных племен!..

Ведь я один из тысяч гуннов,
Я князь родных степных племен!..

Лентяй

Лежень, чего лежишь без дела?!
Бери лантух, накрой обоз!
Как ловок день и для посева,
И привезти соломки воз.
Покуда лохуны – отребье
Соседское - не сворошили стог.
Ведь ешь густой крутяк и хлеба?
Ну, хоть бы в деле чем помог!

Ведь ешь густой крутяк и хлеба?
Ну, хоть бы в деле чем помог!

Вон, уж ведро слегло в колодец,
Оборка сгнила уж давно;
Брось «кошку», подцепи ты, хлопец,
Трехпалым якорем ведро!
Да брось ты казанки, игральщик:
Что бить мослами по мослам?!
Давай, бросай последний альчик,
Не то и крутяка не дам!

Давай, бросай ты свой айданчик,
Не то и крутяка не дам!

«Мне калабушки пожалели!» -
Вопит лежень и жалит мать.
В груди ее занегунело,
И та давай опять лобзать!
В обиду он себя замурил,
Она кухфайку подала:
«Ну, на, укройся, чтоб не схворил,
Я уж повсюду прибрала!

Ну, на, укройся, чтоб не схворил,
Я уж повсюду прибрала!

Заместо вас я, лежебоки,
В быту всю хворость извела!...»
Лежень лежит себе, пройдоха,
Что «хлюст» зовется у села.
Мать сбила масло, и сметаны
Казачьей – белой юраги –
Дала сынку. Хлюстей на стане
Здесь не видали и враги!..

Дала сынку. Хлюстей на стане

Здесь не видали и враги!..

Казак заезжий

Окат холма покрыт зарницей,
И тени медленно текут.
Казачка подала крыницу -
Попить водицы - казаку.
Не местный, с падины далекой,
Что сверху даже не видать.
И нет коня - пеши, с нароком
Явился письма передать.
Но явно он не полоненник.
Но где же потерял коня?!
Теперь он точно ее пленник,
И вздохи к жалости клонят.
Притворы с вечера закрыты,
И мать с отцом, и вся родня,
Пока не видят, как ланиты
Его поцеловать клонят.
И он первак хватил и охнул:
Осталось все огарновать –
Успешно завершить охоту
За той, чтоб жинкою прозвать.
Взял в обороть без узды заезжий,
Хотя и не верхом стоял;
И выдох его близкий, свежий,
На сердце ангелом предстал.
«Не обмишурился я, просто
Коня оставил на лугу,
Был путь мой дальний, и по просу
Водил коня, не брать кугу.
Привез я письма атаману,
Зовет наш атаман в Азов.
И в наших, яицких уйманах,
Не счесть казацких обозов.
Но на Урале, на Яике,
Хоть холоднее – дикий рай.
Привет казачке белолицой
От моих родичей. Прощай!..»
«Рысковый ты и не паскудный,
Я сразу вижу – ты лихой.
Зачем прощаться, и пусть люди
Зачтут невестой за тобой?!..»
Казачка мнет свои постолы –
Из кожи обувь, мягче мха,
А он глядит на ноги голы,
И сердцу жарко казака.
Ее он нежно потрошил бы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.